

— И какой же юмор помогает вам, над чем смеетесь?

Михаил ДЕРЖАВИН (в дальнейшем М. Д.): Хорошо действует смех над дикими контрастами, например. С одной стороны, красавица дразнит тебя по телевизору недоступным мылом "Люкс", пресекая любую передачу народа о богатых сенсорах и сензоритах. С другой — не можешь выйти на улицу, потому что некому убрать снег у дома. Но прежде всего повод для смеха дает сам человек — своими неадекватными действиями, поступками. Вот тебе история. Ночью стою я у своего подъезда с потрясающим парнем, художником с мировым именем. Он красит дверь, потому что должны приехать зарубежные коллеги. Я прикладываю решетку, чтобы не выбивали стекло люди, которым, видимо, негде писать, кроме как в нашем подъезде. Мимо идет известнейший артист и интересуется: "Что, это вы делаете?" Я отвечаю: "Разве не видишь? Два знаменитых на этой улице человека ждут гостей из-за рубежа". На следующий день он находит нас и говорит: "Хоть вы и знаменитые, а дверь покрасили ужасно". Смотрю — и правда: цвет какой-то гнусно-розовый. Но зато, работая, мы так ржали! Представь, ночью в центре мирового социализма, а также нарождающегося капитализма два беспедальных человека — с фонарем, в халатах и тапочках — дверь обихаживают...

Александр ШИРВИНДТ (в дальнейшем А. Ш.): А мне в гараже весело. Собственно, это не гараж, а стоянка перед домом. Там собираются все автолюбители. Объединяют нас только четыре колеса и больше ничего. Ну и начинается: почему запчасти? как достал бензин? Такие в ответ "охотничьи рассказы"...

М. Д.: Мы тут с ним в очереди за бензином встретились. Шура дико опаздывал, и какой-то дядька пропустил его вперед. Он заправился, а кто-то из очереди спрашивает: "Что ж Державина не пропустили?" Шура говорит: "Державин за меня в машине сидит, убьют, если подойдем вдвоем".

— Это напоминает "бородастый" анекдот. Сидят на крыше два кирпича — старый и молодой. Молодой жалуется: "Хотел упасть вон тому мужику на голову, а он в каске". Старый: "Эх, молодого-зелено!" Кричит вниз: "Михалыч!" Прохожий поднимает голову: "А?" Кирпичи — шмяк!.. Похоже, нас вновь начинает забавлять юмор незатейливый, глядишь, скоро будем заливать над островами про управдома. Что, нет объектов поинтереснее?

А. Ш.: Ты что имеешь в виду? Парламент, что ли? Его переиграть нельзя — это утопия. А во-вторых, ну сколько можно? Уровень смелости должен как-то сопоставляться с уровнем личности и таланта. Когда со сцены в очередной раз показывают Ленина или Брежнева, это уже невозможно смотреть! Ни смелостью, ни творчеством тут не пахнет. А я помню, как Боря Сичкин, ныне гражданин США, который патологически смешно показывал Брежнева, записал на кассету его "монолог" еще в начале семидесятых! Кассета обошла весь Союз, ее слушали под одеялами. А потом с намеком подмигивали на улицах... мне, потому что в преамбулу каким-то образом попало: "А сейчас Александр Ширвиндт покажет вам одну миниатюру". И меня таскали всюду — в районные органы, в вышестоящие. Я кланялся и божился, что это не я, не с переугу, просто объяснял, что так не умею...

— Почему же остроты времен застоя оказались зубастее нынешних? Взять хотя фразу из вашей сценки: "Правда ли, что советские архитекторы строят большой подземный переход от социализма к коммунизму?"

М. Д.: Или в ленинградском капутнике замечательная фраза была: "Мой брат занимается художественным свистом — ездит по всему миру и свистит: "Я другой такой страны не знаю..." Думаю, просто в те времена при всей их трагичности много потешного было вокруг. Ну, согласись, смешно, когда государство пытается: мол, мы самые-самые! А все понимают прекрасно, что кругом — ложь.

Я тебе расскажу один случай. К столетию Ленина вышло указание — то ли гласное, то ли негласное — играть вождя самым лучшим актерам. И вот в одном театре — не хочу его называть — дали эту роль народному артисту. Открывается занавес, Ленин сидит за столом. Входит Державинский — и вдруг Владимир Ильич почему-то на жарачках бросается к нему:

"Зд австуйте, Феликс Эдмундович — и тем же манером назад. Потом появляется молодой Иосиф Виссарионович. Ленин и к нему навстречу на полусогнутых — и скорее назад на стул. Я сижу в зале и не могу понять, почему мизансцены такие "ползучие"? Разъяснилось все после финальных поклонов: исполнитель роли Ленина оказался под метр девяносто.

Потом смеялись над отдельными личностями. А сегодня попробуй скажи про кого-нибудь конкретно — чуть ли не дрались начинают. Еще сочиняли пародии на самих себя, то есть на нашу актерскую жизнь. Она была на виду, ее обсуждали...

А. Ш.: На страде были устоявшиеся маски, вековые ходы. Наш номер с переводчиком номер шесть правительств пережил, теперь второй строй переживает. Мы с ним выступали и в

В жизни всегда есть место юмору. В такой несурзадной, как наша, тем более. У Александра ШИРВИНДТА и Михаила ДЕРЖАВИНА на сей счет — своя теория: мол, не стоит путать юмор с песней. Песня, как известно, строить и жить помогает. А юмор помогает нам выживать. Так считает

ПАРА ВЕСЕЛЫХ МУЖЧИН

закрытых клубах атомщиков, и перед делегатами партсъезда, и на ночных актерских посиделках. Потому что форма "резинная": иностранец, который не понимает, что происходит, и наш советский переводчик, все время лакирующий перевод.

И вот приезжаешь с этим номером, ну хоть на мясокомбинат. Спрашиваешь между прочим: "А кто у вас главный бухгалтер?" Отвечают: "Кривина" — "А кто у вас этакая баба-вамп?" — "Ой, у нас есть в ВОХРе тетя Лена, с ума сойти!" А дальше, представь, выходят два московских артиста, и вдруг Михал Михалыч говорит: "О-оо, тетя Лена!" А я перевожу: "Он без ума от Кривины". И зал стонет, потому что никто не может понять, откуда мы это знаем.

— Иногда начнешь вот так вспоминать былые времена, и может возникнуть обманчивое ощущение, что жили-то мы, в общем, неплохо, весело жили. Но мы-то знаем, что это не так...

М. Д.: Зрители, которые сегодня сидят в зале, может, и не представляют толком тот кошмар, который пережило наше поколение, падающая карбась куда-то, снова падающая. Раз на концерте в Кремлевском Дворце съездов, по-моему после XIX партконференции, Шура обратился ко мне: "Михал Михалыч, вот вы смеялись здесь и при Хрущеве, и при Брежнев, и сейчас смеетесь..." Я ему ответил: "Я всегда смеялся вместе с народом". Но бывало и не до смеха. Сколько еще кошмарных пьес мы переиграли! Мы же почти сорок лет на сцене: я с пятидесяти девятого, Шура еще раньше... Конечно, мы соображали, что это плохо, конъюнктурно — играли от безысходности: ты же помнишь, какие в театрах наряды были.

А сколько спектаклей запрещали, сколько фраз выкидывали! Классический пример — "Самоубийца" Эрдмана. Я там играл Виктора Викторича, который прибегает в конце и кричит: "Федя Петунин застрелился! И записку оставил: "Подсекальников прав, действительно, жить не стоит". Так не разрешали сказать "застрелился". И мне Сергей Владимирович Михалков, который принес нам эту пьесу, посоветовал: "М-миша, скажи так: Федя Питунин отравился! И через паузу: г-грибами и записку оставил..." И я так играл несколько раз, пока спектакль вообще не запретили. И только когда "Самоубийца" пошел вновь, наконец восстановил авторский текст.

А. Ш.: Зато теперь — никакой цензуры. Но слово это, между прочим, имеет корень "ценз". И если отбросить его политическую подоплеку, то получается, пропал ценз на все. А без него жить невозможно, им определяется уровень культуры и цивилизации.

М. Д.: Мы — как киты в океане. Они резвятся, мы тоже. Нельзя же постоянно думать, что можешь получить гарпун в бок. А сегодняшняя жизнь так зыбка: в любой момент в тебя могут пустить торпеду — и не угадаешь откуда. Я часто вспоминаю Татьяну Ивановну Пельтцер. Она иногда шумела на наших актрис: "У нее три пары сапог, а у меня в ее годы одни тапочки были, синие, на черной резине!" Потом спохватывалась: "Прости меня, деточка, — занесло! Играй на здоровье." И я все время

себя контролирую: уж не брызжу ли я? Надеюсь, что нет, хотя причин для раздражения достаточно. Может, просто раньше мы молодые были, а теперь — старые...

— Ну уж, скажете... Кокетнича-ете?

А. Ш.: Кокетство — это когда ждут, чтобы в ответ сказали: "Ну что вы, что вы..." А тут что ж ждать? Возраст, так сказать, — действительный факт. Пришло другое время, другое поколение. И нас загнали в чужую стилистику жизни, по которой мы вынуждены нести ничего не соображая. Я физиологически многого сейчас не воспринимаю. Не понимаю, как ориентируется в этих электронных играх мой одиннадцатилетний внук. Он играет с моим сыном, то есть своим папой, и тот догнать его не может. А я сижу рядом, дымлю трубкой и

Да и продюсеры, сделавшие ставку на вас, не прогадали бы. А вы не скажите, чтобы часто снимались. Да и театр новыми ролями вас не балует...

М. Д.: Шура как-то летел в одном самолете с Гельманом. И у них родилась идея написать пьесу на двух актеров. Мы сообща придумали занятный ход, Александр Исакович пообещал показать написанное. Ждем до сих пор. Я его не осуждаю: пьесу про сиюминутность сочинить кошмарно трудно. Все мгновенно устаревает: и съезд при свечах в Воронове, и останкинские пикеты, и дамы с красными флагами в руках...

Мы ведь взращены драматическим театром с его страшной бедностью, гордостью, абсолютной дон-кихотовской стойкостью. Возьми наших старших коллег — Плучека, Ефремова:

из школы и рассказывает анекдот: "Стоит буровая вышка. К ней подходит чучка и спрашивает: "Что делают?" Ему отвечают: "Ты что, не видишь? Бурят". Он: "Чучка — не дурак. Бурят не так делают". Вот тебе источник юмора. Шестой класс!

— Вы оба любите шутить, что ваша дружба была неизбежностью. Дескать, даже на свет появились в одном роддоме, правда, Михаил Михайлович "запоздал" на два года. А если всерьез, когда вы познакомились?

А. Ш.: В детстве. Вместе бывали в доме Дмитрия Николаевича Журавлева, замечательного чтеца, дружили с его девочками: они теперь тоже уже бабушки. Миша всю жизнь живет в доме, где находится Шукшинское училище, в котором мы оба учились. И я приезжал к нему в гости на велосипеде.

М. Д.: Это все равно, что сейчас на "мерседесе"!

А. Ш.: Да, на велосипеде "ЗиЧ" — его делал завод имени Чкалова, который выпускал самолеты, хотя еще никакой конверсии не было. Проезжал по Скоттерному переулку мимо дома своего педагога по скрипке. Слева от него, в подвале, снимал угол с пианино Рихтер — и через окно с решеткой можно было смотреть на него, рыжего, молодого. А рядом с Мишиным домом была Собачья площадка. И там, где сейчас коммерческие ларьки, стояла деревянная забегаловка. Называли ее "вавилонка" — за то, что располагалась напротив дома, где жил президент Академии наук Вавилов. Там были бутерброды с икорочкой, рыбка, пиво. Можно было взять и водочки — это называлось "с прицепом". Чтобы аборигены не простудились — зимы тогда были лютые! — внутри на плитке стоял чайник с пивом, которое подавали тепленьким. Пена была большая — и висел плакат "Требуется долива пива после отстоя пены". И доливали, представляешь?

— Значит, вашей дружбе скоро стукнет полвека. Не надо ли друг другу за столь долгий срок?

А. Ш.: Парность, особенно на страде, — дело кровавое. Тут "подельников" надо, как космонавтов, проверять на совместимость. Иначе с ума сойдешь — все время неразлучно. Мы вовсе не сямские близнецы, как нас многие представляют. Нас спасает то, что много существуем отдельно.

— Да еще, наверное, чувство юмора?

М. Д.: Подшучиваем друг над другом постоянно. Поводы искать не надо. У Шуры всегда с предметами неладит. С костюмом, например. И вот начинаем мы гастролировать. Первый концерт. Публика фешенебельная. И вдруг Шура говорит: "Я носки забыл". А жара страшная, и мы пришли в новых смокингах, но в туфлях на босу ногу. Я рвусь у кого-нибудь носки выпросить, а он: "Подожди, это еще не все". И достает... мальчишковые подтяжки. Оказывается, Тата по ошибке сунула ему подтяжки вука. Ну ладно, кое-как перевалился, опустил брюки пониже, сыграл. Но в следующем городе... забыл в гостинице концертные ботинки. Пришлось одолжить у рабочего сцены, а у того оказались мальчишковые, с бахромой и помпонами: это под смокинг-то!

Ну а в столице государства случился прокол у меня: забыл... брюки. То есть брюки были, но пляжные, цвета хаки, мягкие жутко. Шура мне: "Ты делай вид, будто в Москве так и носят". В общем, сыграли. А на следующий день выходим из гостиницы, я в тех же брюках. Шура на меня смотрит: "Хм, в концертном?"

— Вы записываете остроты, ведете "копилку" курьезов?

М. Д.: Никогда в жизни. Вот Шура с критиком Борей Поюровским, тоже нашим ровесником, написал книгу о нашем поколении. Сделал это по какому-то воспоминанию, разговору, фотографам. А записывать смешачества надо бы. Тут на вечере поэт Игорь Губермана очень смешно сказал Зиновий Паперный: "Омар Хайям писал "омарики", Игорь — "гаррики", я — "зямки". И я тогда подумал: у нас же тоже есть свои "шурики" и "мипики".

— Каков же лучший "шурик"? М. Д.: Фраза Шуры на юбилее "Современника". Он назвал театр "террариумом единомышленников".

— А есть "мишик" про нашу жизнь?

А. Ш.: Жизнь потрясающая! От нее трясет нас всех...

Беседу вела Татьяна ИСКАНЦЕВА. Фото Юрия РЯЗАНОВА.

вообще не врубаюсь, о чем у них речь. Или, знаешь, в чем еще старость ощущается? Выступает по телевизору какой-нибудь заядлый консерватор, человек совершенно другого, чем мы, замеса, другой ориентации. Но когда он зовет "назад к природе", я с ним солидарен на сто процентов. И когда говорит, что нахально богатым сегодня быть неприлично, я его тоже понимаю. Быть в достатке нужно пытаться. Но когда в булочной к тебе подходит и просит доплатить за хлеб старушка, а ты крутые сутки крутишься на презентациях... А мы это делаем — и не потому, что хотим ханнуть липкий бутерброд. Нам уже внушили, что это — прогрессивная сегодняшняя стилистика существования.

Но потом мы с Мишкой приезжаем удить рыбу в деревеньку Синцово под Тверью — у меня там сарай. Здравомысляем с местными старухами, и я с ужасом представляю: сидят они в своих курных избах, смотрят по телевизору очередную презентацию, а там мы во фраках маячим. Этакое "вручители", эстрадные Брежневы. Что же они о нас думают? Тоже, наверное, не понимают, что происходит.

— Положим, раньше вы тоже не в рубчиках блистали на телеэкране, а бабушки не в барских хоромаш на вас глядели...

А. Ш.: Но все-таки такого постыдного разрыва между бедными и богатыми не было. Точнее, он не был так очевиден.

— А себя-то вы к какому клану причисляете? Богатым?

А. Ш.: Более или менее. Хоромы, во всяком случае, не нажили. Конечно, глупо уверять, что ездим на велосипедах. Но алчности в этой сфере никогда не проявляли.

М. Д.: Да уж, не миллионеры. В отличие от тех мальчишек, что торгуют в палатках рядом с моим подъездом. Я не против, только думаю, как же мне-трудно в сравнении с ними достается моя маленькая экономическая независимость. Но я ей рад — чуть меньше тревожиться, что будет с твоими близкими завтра.

— Народ вас обожает. Я думаю, на Западе с такой популярностью вы были бы миллионерами.

они часто повторяют слова "рыцари театра". И мы не изменяем театру, хотя, наверное, были бы миллионерами, если бы ушли оттуда и просто ездили по всему Союзу, теперь уже бывшему, и за рубеж.

— Вы, Михаил Михайлович, выросли в актерской семье, Александр Анатольевич — в музыкальной. И, как я слышала, любите вспоминать, какая там парила веселая и добрая атмосфера. Удалось перенести ее в свои "взрослые" дома?

М. Д.: Если всерьез, то я очень благодарен своему окружению, дому, близким. Знаешь, у меня очень стойкая Роксана (певица Роксана Бабаева — жена Державина. — Т. И.). Думаю, и Наталья Николаевна у Шуры тоже очень сильная. Случаются моменты, когда мы с ним начинаем паниковать: не все гладко, нехорошо, а что-то совсем не получается. И вообще кошмар. Но дома понимание, ироничную и точную оценку происходящему находим всегда. И это очень важный фактор. А какие они хохотушки — Роксана и Тата, первые наши зрители!

Мы любим собираться вместе, жаль, получается не так часто, как хотелось бы. Графики занятости не всегда совпадают. Но когда я попадаю наконец в дом к Шуре, уклад их жизни мне дико импонирует. Я сразу же окунаюсь в свои молодые годы, а это очень приятно. У него всю жизнь одна и та же жена, все та же многолетняя квартира. У меня еще были какие-то попытки смены домов. А у него все постоянно.

А. Ш.: Дом — это, конечно, тыл. Но, к сожалению, в тылу тоже такое творится! Все время никакого покоя. Раньше — потому что были молодые, а сейчас — две собаки, два внука... Только и думаешь: не простудился ли тот, не набедокурил ли эта? Словом, перешли в формацию дедушек-бабушек и стали кудахтать. И ведь никто не слушает: все переживают с умными лицами и делают по-своему. Тата — она по профессии архитектор — уходила на пенсию в надежде на кайф: думала, будет читать, решать кроссворды. Но тут навалилось такое... Представляешь, внук приходит